

Большой выход у Сатаны

Оригинал здесь: [Вивитека](#).

В недрах земного шара есть огромная зала, имеющая, кажется, 99 вёрст вышины: в "Отечественных записках" сказано, будто она вышиною в 999 вёрст; но "Отечественным запискам" ни в чём -- даже в рассуждении ада -- верить невозможно.

В этой зале стоит великолепный престол повелителя подземного царства, построенный из человеческих остовов и украшенный, вместо бронзы, сухими летучими мышами. Это должно быть очень красиво. На нём садится Сатана, когда даёт аудиенцию своим посланникам, возвращающимся из поднебесных стран, или когда принимает поздравления чертей и знаменитейших проклятых, коими зала при таких торжественных случаях бывает наполнена до самого потолка.

Если вам когда-либо случалось читать мудрые сочинения патера Бузенбаума, иезуитского богословами философа, то вы знаете -- да как этого не знать? -- что черти днём почивают, встают же около заката солнца, когда в Риме отпоют вечерню. В то же самое время просыпается и Сатана. Проснувшись, он надевает на себя халат из толстой конвертной бумаги, расписанный в виде пылающего пламени, и который получил он в подарок из гардероба испанской инквизиции: в этих халатах у нас, на земле, люди сожигали людей. Засим выходит он в залу, где уже его ожидает многочисленное собрание доверенных чертей, подземных вельмож, адских льстецов, адских придворных и адских наушников: тут вы найдёте пропасть еретиков, заслуженных грешников и прославленных извергов, вместе с теми, которые их прославляли в предисловиях и посвящениях, -- словом, все *знаменитости* ада.

Заскрипела чугунная дверь спальни царя тьмы; Сатана вошёл в залу и сел на своём престоле. Все присутствующие ударили челом и громко закричали: *виват!* -- но голоса их никто б из вас не услышал, потому что они тени, и крик их только тень крика. Чтоб услышать звуки этого рода, надо быть чертом или доносчиком.

Лукулл, скончавшийся от обжорства, исправляет при дворе его должность обер-гофмейстерскую: он заведовает кухнею, заказывает обед и сам подаёт завтрак. Как скоро утих этот неудобослышимый шум торжественного приветствия, Лукулл выступил вперёд, держа в руках колоссальный поднос, на котором удобно можно было бы выстроить кабак с библиотекою для чтения: на нём стояли два большие портерные котла, один с кофеем, а другой со сливками; римская слёзная урна, служащая вместо чашки; египетская гранитная гробница, обращённая в ящик для сахара, и старая сороковая бочка, наполненная сухарями и бисквитами для завтрака грозному обладателю ада.

Сатана вынул из гробницы огромную глыбу квасцов -- ибо он никакого сахара, даже и свекловичного, даже и постного, терпеть не может -- и положил её в урну; налил из одного котла чистого смоленского дёгтю, употребляемого им вместо кофейного отвара, из другого подбавил купоросного масла, заменяющего в аду сливки, и чёрную исполинскую лапу свою погрузил в бочку, чтобы достать пару сухарей.

Но в аду и сухари не похожи на наши: у нас они печёные, а там -- печатаные. Попивая свой адский кофе, царь чертей, преутончённый гастроном, страстно любил пожирать наши несчастные книги в стихах и прозе: толстые и тонкие различного формата произведения наших земных словесностей; томы логик, психологий и энциклопедий; собрания разысканий, коими ничего не отыскано; историй, в коих ничего не сказано; риторик, которые ничему не выучили, и рассуждений, которые ничего не доказали -- особенно всякие большие поэмы, описательные, повествовательные, нравоучительные, философские, эпические, дидактические, классические, романтические, прозаические и проч., и проч. С некоторого времени, однако ж, он заметил, что этот род пирожного обременял его желудок, и потому приказал подавать к завтраку только новые повести исторические, писанные по последней моде; новые мелодрамы; новые трагедии в шести, семи и девяти картинах; новые романы в стихах и романы в роде Вальтера Скотта; новые стихотворные размышления, сказки, мессенианы и баллады, -- как несравненно легче первых, обильно переложенные белыми страницами, набранные очень редко, растворённые точками и виньетками и почти столь же безвредные для желудка и головы, как и обыкновенная белая бумага. Сухари эти прописал ему придворный его лейб-медик, известный доктор медицины и имургии, Иппократ, убивший на земле своими рецептами 120000 человек и за то возведённый людьми в сан отцов врачебной науки -- впрочем, умный проклятый, который доказывает, что в нынешнем веке мятежей и трюфлей весьма полезно иметь несколько свободный желудок.

Сатана вынул из бочки четыре небольшие тома, красиво переплетённые и казавшиеся очень вкусными, обмакнул их в своём кофе, положил в рот, раскусил пополам, пожевал и -- вдруг сморщился